

АЛГОРИТМЫ РУССКОГО БЫТИЯ

Поэтический стиль **Владимира Крусса** впечатлит даже искушённого читателя многоцветьем смелых ассоциаций и блеском изысканной метафорики. Опора на экзистенциальные, мифологические и христианские символы порождает особый культурный код его стихотворений, знаки которого, свободно меняясь и варьируясь от одного произведения к другому, прихотливо соединяются во всё новые неповторяющиеся комбинации. Необходимость их смыслового и образного декодирования требует помимо широкой эрудиции ещё и усиленной работы разума.

Предметом же нашего прочтения будет стихотворение «NEXT» – редкий для лирики В. Крусса пример, когда текстовая ткань не отличается символической усложнённостью тропов и состоит из широко употребляемых слов, обладающих вне контекста минимальной или даже нулевой экспрессией. Но соединённые всего в восемь чеканных строк, они заставляют говорить не просто о высокой художественности, а, прежде всего, о чуде настоящей поэзии. Сначала приведу текст стихотворения полностью:

*От сопричастия и сострадания
До права чувствовать и права сметь.
От созерцания до созидания.
От слова «истина» до слова «смерть».*
.....
*От со-причастия и со-страдания
К последней вольности – сгорать дотла...
И Царство Божие нам – не предание.
И смердяковская пуста петля.*

Начнём с того, что в стихотворении отсутствует слово «путь», хотя его символическое содержание пронизывает каждую строку. Поэт стягивает в единое экзистенциальное поле трудную и противоречивую судьбу отдельного человека от зари до заката его жизни, и странствия коллективной души русского

народа в поисках высшего духовно-нравственного идеала. И потому в архитектонике стихотворения сильнейшую контекстуально обусловленную экспрессию приобретают предлоги «от» и «до», в обычной речи стилистически абсолютно нейтральные. «От» и «до» – начало и конец пути, два равновеликих по своей онтологической значимости полюса, подчёркивающие грандиозность свершившегося преобразования.

Первая строфа соткана из неявных антитез, основанных не на противопоставлении, а на контрастном сопоставлении друг с другом понятий, к тому же не являющихся прямыми антонимами: «право чувствовать» – «право сметь», «созерцание» – «созидание», «истина» – «смерть». Чувство и созерцание – исходные и как бы пассивные ступени познания истины; однако сопутствующая им глубокая внутренняя сосредоточенность подготавливает личность к действительному преобразованию и себя, и окружающего мира. Достигнув высшего уровня познания, человек смеет и множеством творческих актов созидает нечто новое в любой сфере своего существования. Духовно плотное здесь слово «право» углубляет философскую концепцию поэта. Право (не обязанность!) «чувствовать» – щедрый Божественный дар человеку при его рождении. Право «сметь» есть уже духовная свобода, вновь данная ему Господом – свобода выбора пути, чтобы в конце узнать истину предназначения или, проще говоря, смысл пройденной жизни.

Так в чём же он, этот смысл? Поэт избегает трафаретного, декларативного ответа на столь сложный в своей простоте вопрос. Конечная строка первого катрена, синтезируя содержание трёх предыдущих, казалось бы, вносит необходимую ясность: истина (смысл жизни) кроется ещё и в смерти, что не укладывается в рамки обыденных представлений. Столкновение двух бытийных антиномий высекает искры их символического познания. Жизнь и смерть в мироотражении древних – разные стороны единого круговорота бытия, где умереть значит родиться заново и, следовательно, опять начать путь к обретению истины. Смерть в религиозной (христианской) символике – неотъемлемая стадия конечного существования личности в земной юдоли, во время которой она воз-

носится к бессмертию. И новая авторская антитеза «истина» – «смерть» в несколько раз увеличивает смысловую ёмкость всего четверостишия.

От... до, от... до, от... до... Такая смена предлогов вызывает в воображении читателя образ вневременного метафизического маятника, двигающегося по вселенской амплитуде бытия. Образ этот рисуется не только словесными антитезами, но и синтаксическим параллелизмом вкупе с особой ритмикой стиха. Все предложения лишены подлежащих и изменяемых форм глаголов-сказуемых, благодаря чему внимание концентрируется на появляющихся символических созначениях слов, которые декодируются как вещи знаки вечной космической формулы.

Какова же роль вспомогательных элементов – метрики и ритмики – в решении главной проблемно-художественной задачи стихотворения? Огромная. Нечасто встречающийся пятистопный ямб и чередование дактилических клаузул (ударение на третьем от конца слоге) с мужскими (ударение на первом слоге) привносят в стихотворение стремительность и одновременно плавную величавость ритма маятникового движения. Система ударений такова, что все третьи, «центральные» стопы остаются в каждом стихе безударными, ритмически отмечая самую нижнюю точку амплитуды маятника.

«NEXT» разделяет пополам пунктирная точечная линия. Такое графическое решение, строго продуманное, превращается в содержательный элемент формы. Первая строфа, рассмотренная выше как совокупность отдельных смыслов, теперь воплощает весь путь восхождения человека к истине как нечто нераздельное и выглядит монолитной по отношению ко второй, которая включает в себя его итог. Линия между ними – словно зримая метафизическая нить, сшивающая символическое Время. Вместе с тем, обе строфы крепко спаяны почти буквальным повтором их начальных строк, но с одной чрезвычайно существенной разницей: во втором случае мы видим «со-причастие» и «со-страдание». Приём достаточно известный как в поэзии, так и в публицистике. Однако нас снова поражает мастерство поэтического замысла В. Крусса: бездефисное написание этой словесной пары в первой строфе воплощает созерцательно-

умозрительное, пока ещё не опирающееся на личный опыт, не закалённое в горниле жизненных бед понимание истины. Во второй же строфе дефисное выделение приставки «со» позволяет осмыслить со-причастие и со-страдание как христианские соборные переживания и действия: *«И Царство Божие нам – не предание»*. В результате рождается уже макротекстовая, композиционная антитеза, запечатлевающая контрастную гармонию тайны и смысла бытия.

Вновь обратим внимание на семантическую и стилистическую значимость предлогов. Вместо «от» и «до» появляется предлог «к»: *«К последней вольности – сгорать дотла»*. Человек подошёл к своему конечному земному рубежу и остановился. С чем в душе он перешагнёт его? «Вольность» опять напоминает о свободе выбора, а известное выражение «сгорать дотла» отсылает к огню (пламени), символический диапазон которого, по сути, безмерен – от Божественной энергии до разрушительных сил. В христианском искусстве огонь – высшее испытание веры; в древних мифах с ним отождествлялись Время и Вселенная. Огонь земного бытия человека угасает, умирает плоть, но грядёт бессмертие души.

Заключительное двустипение насыщено мощнейшей духовной энергетикой, в нём спрессованы альфа и омега миропонимания поэта. В предложении *«И Царство Божие нам – не предание»* опущен второй компонент антитезы, причём совершенно оправданно: для христианина Царство Божие действительно – не миф и не вымысел, а такая же реальность, как и сотворённый Богом дольний мир. Утвердительная интонация выстраданной мудрости и душевного стоицизма интенсифицируется анафорическим повторением союза «и».

«Смердяковская петля» – образ с огромным ассоциативным подтекстом. Известный персонаж романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», физический и нравственный вырожденец, чьё имя стало нарицательным, совершил два смертных греха – убийство и самоубийство. Кроме того, лакей Смердяков – патологический ненавистник России. И, стало быть, «смердяковская петля» предстаёт мрачным символом национального и духовного самоубийства русского человека, по сути, символом-предостережением от пути в тёмную адскую

бездну. Только в безоглядной любви к России, Дому Богородицы, человек обретёт Царство Божие и, прежде всего, в собственной душе: «Царство Божие внутри вас есть» (Лк., 17, 21). Теперь полностью очевиден евангельский смысл понятия «истина», которое является в стихотворении ключевым.

Наверное, «NEXТ» можно считать программным произведением Владимира Крусса. Вот только название подгуляло: если стихотворение обращено к реальному «поколению NEXТ», то его представители останутся глухи к сказанному. Если же речь идёт о грядущем и окончательном возвращении России к православным истокам, то это иноязычное вкрапление ещё больше диссонирует с выведенной поэтом универсальной формулой русского бытия.